

НАТАЛЬЯ КОРЕПАНОВА

 елена
ПО СЛЕДУ ЖЕЗЛА

Annotation

Елена и не знает, что живет двойной жизнью. Наяву она – обычная девушка. А вот во сне... К несчастью, Елена не помнит свои сны. А зря. Потому что сны постепенно начинают вмешиваться в её повседневную жизнь, и ей начинает угрожать вполне реальная опасность, о которой она даже не подозревает.

Селена. По следу Жезла

Наталья Корепанова

Наталье Шигаповой – за вовремя поданные идеи

Наталье Фукаловой – за самоотверженную вычитку и вовремя сделанные замечания

Алёне Мироновой – за вовремя высказанную доброжелательную, но необходимую критику

Юлии Волкодав – за вовремя (для меня) и, главное, качественно созданный курс по писательскому мастерству и литературному редактированию, который помог мне в создании этой книги

Часть 1. Богиня Луны древнего народа

Я сидела на большом валуне на вершине высокого холма и смотрела на лежащий передо мной город, пытаюсь понять, где я очутилась и в какую сторону мне лучше податься, чтобы оказаться...

А, собственно, где мне нужно оказаться?

И что я вообще здесь делаю?

Я снова огляделась. Справа от меня, километрах в трёх, стеной стоял густой лес. Сзади, далеко у горизонта, тянулись горы. Слева, разлившись широкой лентой, важно и неторопливо текла величавая, глубокая река. А вдоль берега реки и вокруг соседнего, более пологого, холма, огороженный высокой крепостной стеной, расположился большой город.

Центром города был замок. Высокие башенки по его краям и шпиль посередине придавали ему сходство с устремившейся ввысь ракетой из фантастической повести, которых я в свое время перечитала не один десяток. Замок стоял на холме, и был виден с любой точки города.

Сам город, лежащий на равнине, делился неширокими улочками на относительно ровные квадраты. Количество построек в каждом таком квадрате, видимо, зависело от состоятельности владельца. Вблизи замка чаще всего весь квартал занимал один большой дом, окруженный роскошным садом или парком. Но чем дальше от холма разбегались улицы, тем больше домов становилось в квартале. А у городских стен дома уже теснились, как сельди в бочке, и тогда между улицами оказывалось до десятка небольших домиков с маленькими палисадничками вокруг.

Дома в городе отличались разнообразием, ограниченным лишь фантазией строителей, и располагались в полнейшем беспорядке. Одни тянулись вдоль улицы, строго глядя на нее глазами окон, а другие забирались вглубь отгороженного невысоким забором участка, прячась под сень деревьев.

Вдоволь налюбовавшись открывшейся передо мной панорамой, я в очередной раз задалась вопросом: где я нахожусь и как я здесь очутилась? Вопрос был не из лёгких, но почему-то ни страха, ни паники не вызывал. Ну, оказалась я в незнакомом месте, ну, не знаю, как отсюда выбраться. Подумаешь, проблема! Сейчас пойду в город и всё узнаю!

Дома, наяву, я бы уже вся испсиховалась от страха, не понимая происходящего, а тут, во сне, такая смелая стала...

Что-о-о-о?

А что... вполне разумная мысль.

Я тряхнула головой и встала с валуна. Пожалуй, надо наведаться в город. Какими-то до боли знакомыми кажутся мне его башенки и улицы. Где и когда я могла их видеть?

Продравшись сквозь заросли высокой ароматной травы, я вышла на довольно широкую и хорошо утоптанную тропу, ведущую к городу. Судя по всему, по ней достаточно часто ходили. Ну, мне же лучше. Хоть не по кочкам брести. И так идти далеко, не меньше часа шагать буду.

Но не успела я и шагу сделать, как сзади раздался какой-то шорох и короткий звериный рык.

Я испуганно оглянулась и чуть не заорала от страха.

Передо мной стоял великолепный зверь, на котором сидел не менее великолепный

мужчина. Но в первое мгновение мне было не до мужчины. Я только отметила, что зверь был не один. Всё моё внимание было приковано к этому чуду природы.

Представьте себе гепарда величиной с лошадь. Мощное гибкое тело на крепких мускулистых лапах. Шкура цвета хаки: переплетающиеся между собой пятна песочного, коричневого, чёрного и зеленовато-болотного цвета делали этого зверя совершенно невидимым в любой местности. Длинный, нервно подрагивающий хвост и острые клыки, высывающиеся изо рта, как у саблезубого тигра, довершали картину. Да уж, не хотела бы я встретиться с этим зверем один на один где-нибудь в степи. Впрочем, как и в лесу, на реке, да и в любом другом месте.

На спине этого чуда сидел всадник: высокий худощавый мужчина, одетый в светлые штаны и белую свободную рубашку навыпуск. Черты его смуглого лица показались мне смутно знакомыми. Интересно, где мы могли с ним раньше встречаться? В каком сне он мне привиделся? А может, просто увидела его как-нибудь на улице или в троллейбусе, понравился, вот и переключался в мой сон. Из троллейбуса – да на гепарда. Тоже транспорт.

Впрочем, сейчас мне было не до воспоминаний. Я была слишком испугана видом этого, пусть и приручённого, но всё же дикого зверя.

Я попятилась, освобождая им место на тропинке, с одной надеждой, что этот милый котик уже позавтракал перед дорогой.

– Не бойся, – крикнул всадник, – он тебе ничего не сделает.

И поспешно прыгнул на землю, не выпуская из рук поводья.

А гепард потянулся ко мне, обнюхал с ног до головы и вдруг ткнулся крепким лбом в мою руку – погладь! – и... замурлыкал. Правда, в первый момент мне показалось, что где-то рядом трактор завёлся. Зверюга тёрся об меня головой и был наверху блаженства, а я стояла, совершенно опешив и ничего не понимала.

– Он узнал тебя! – торжествующе воскликнул мужчина. – Селена, Мурлыка тебя узнал!

Мурлыка?

Мурлыка!!!

Неужели моя мечта сбылась, и я снова оказалась в Кэттанге? Через столько лет! А этот высокий красавец – Стэнн?! Ему было семнадцать, когда я перестала видеть этот сон. Худой нескладный подросток, не знающий, куда девать свои конечности. А сейчас – мужчина в расцвете лет. Немудрено, что я не сразу его узнала! Как давно это было!

Впервые здесь я оказалась, когда мне только-только исполнилось девять лет.

Тот день у меня не задался. Сначала я схлопотала «пару» по физкультуре, которую часто пропускала по причине слабого здоровья и поэтому так и не научилась подниматься в гору на лыжах «ёлочкой», а именно этого и потребовала у меня на зачёте физручка. Затем поссорилась с дворовыми подружками. Точнее, это они со мной поссорились, не поставив меня об этом в известность. Когда я вышла гулять, они, вместо того, чтобы подойти ко мне или хотя бы подождать, когда я дойду до них, вдруг развернулись и умчались в соседний двор. Бежать за ними было бесполезно, их там наверняка уже не было. Это развлечение называлось «бегать от...» и не имело под собой никаких объективных причин. Просто мне не повезло – сегодня я во двор вышла последней и коалиция уже сложилась. Побродив кругами вокруг заснеженной клумбы и скатившись пару раз с горки, я ушла домой и потом мрачно смотрела из окна, как вернувшиеся во двор подружки лепили снеговика и валялись в снегу. А потом пришла с работы мама, и мне попало за беспорядок в комнате.

В общем, то ли звёзды не так встали, то ли Луна была в каком-то не том доме, но день, определённо, оказался не из лучших. И вечером, выключив свет и забравшись под одеяло, я расплакалась, вспоминая события этого неудачного дня. Я жалела себя и мечтала исчезнуть куда-нибудь из этого несправедливого мира.

«Вот уеду далеко-далеко... они тогда пожалеют... а я им даже писать не буду...» – всхлипывала я, наслаждаясь своей «страшной» мстью...

...как вдруг услышала:

– Чего ревёшь? Тебя кто-то обидел?

Я подняла голову и изумлённо уставилась на стоящего передо мной мальчишку.

Мальчишка как мальчишка. Худой и высокий. Длинные волосы собраны «хвостом» на затылке («Как у девчонки», – удивлённо подумала я). Загорелый до шоколадного цвета. А в выразительных больших чёрных глазах с длинными густыми ресницами читались сочувствие вперемешку с удивлением.

– Кто тебя обидел? – снова спросил парень.

– Да так... все помаленьку, – ответила я, ошарашено оглядываясь по сторонам. – А где это я?

Переход от тёмной спальни к солнечному песчаному пляжу был, мягко говоря, довольно неожиданным. Солнце уже садилось, но света от него было ещё вполне достаточно, чтобы шокировать непредвиденным контрастом.

Я сидела на песке около широченной реки, а в нескольких шагах от меня возвышалась городская стена, у ворот которой лениво бродили стражники в лёгких кольчугах. Длинные ножны с высовывающимися ручками мечей едва не волочились по земле.

Я перевела взгляд на мальчишку, который, посмотрев на меня, как на чокнутую, всё-таки ответил:

– Как – где? В Лэнмаре.

Ладно, хоть пальцем у виска не покрутил. Но я всё-таки продолжила допрос:

– А как я тут оказалась?

Хотя, конечно, понимала, что вряд ли этот пацан сможет ответить что-нибудь путёвое.

– Слушай, с тобой всё в порядке? – уже не на шутку встревожился парень.

– Не знаю, – пожала я плечами. – Вроде, да.

Рыдать в подушку мне уже абсолютно расхотелось, да и страха почему-то не было. Одно любопытство: где же это я очутилась, и как я сюда попала.

– А ты кто? – снова обратилась я к внимательно разглядывающему меня мальчишке.

– Я – Стэнн Фарроас. А тебя как зовут?

– Меня?

Имя парня меня удивило. Никогда ничего подобного не слышала. Поэтому и называть ему своё настоящее имя показалось неправильным. «Лена» – что-то слишком скучное и будничное. А я, судя по всему, уже не дома, не в своём городе и даже, наверное, не в своей стране. Ну, да. Таких стражников у нас днём с огнём не сыщешь. Разве что я вдруг на съёмки какого-то фильма попала. Хотя, это было бы уж вообще чрезмерное везение. Так что съёмки отпадают. Но, раз уж я оказалась в таком загадочном месте, то надо и имя себе придумать необычное.

Я подняла глаза к быстро темнеющему вечернему небу и внезапно увидела поднимающуюся из-за горизонта громадную Луну. И тут же перед глазами возникла

картинка из детской книжки про космос, которую я читала буквально вчера: астроном смотрит на Луну в телескоп, а рядом надпись, что по-гречески Луна называется Селеной. Название это мне очень понравилось. Веяло от него чем-то таинственным, сказочным...

– Я – Селена, – обрадовано заявила я.

– Красивое имя, – уважительно кивнул головой мальчишка. – А ты почему здесь сидишь одна? Темнеет уже. И ворота скоро закроют.

– Мне идти некуда. У меня тут знакомых нет, – погрустнела я.

– Есть, – твёрдо сказал Стэнн. – Я знакомый. Уже целых пять минут. Так что пошли ко мне.

– Пошли, – согласилась я и, встав, начала отряхивать красивое розовое платье. Точно такое же, как то, на которое я в прошлые выходные любовалась в витрине магазина, представляя, как бы хорошо я в нём смотрелась.

Но почему-то меня это совсем не удивило.

Стэнн провёл меня через ворота, мимо улыбнувшихся ему, как старому знакомому, стражников, и повёл по ровной, как по линейке очерченной, улице. Мы шли долго, через весь город, к большому дому, стоящему у самого подножья холма. Стэнн не торопился. Поняв, что я в Лэнмаре впервые, он болтал без умолку, знакомя меня с историей города и рассказывая о его знаменитых жителях.

Проходя мимо высокого дома с башенкой, на верхушке которой болтался флюгер, изображавший какую-то неведомую мне птицу, Стэнн сказал:

– Здесь живёт лорд Атулис, Главный Маг Высшей Школы Магии и Колдовства. Он – друг моего отца. Когда я вырасту, обязательно буду учиться в этой Школе.

– Какой школе? – не поняла я. – Магии и Колдовства?

– Ну, да, – кивнул Стэнн. – Что, думаешь, не поступлю?

Я пожала плечами:

– Откуда я знаю. А вы тут что, колдовать умеете?

– Конечно! Не все, правда, но кто в этой Школе учился – те умеют. Чтобы туда попасть, надо экзамены сдать. Сложные. Но лорд Атулис говорит, что я справлюсь.

– Ты что, тоже колдун? – настороженно спросила я. О колдунах я знала только из детских сказок, а там они все были с определением «злой». Злая колдунья чуть не погубила Элли из Канзаса¹, злые колдуны чуть не отобрали жизнь у глупых девчонок и мальчишек², ну и ещё кучка классических примеров, типа Снежной Королевы³ и прочих подобных героев.

– Ну, что ты. Я ещё только учусь. Вот отец у меня – колдун настоящий. Главный Королевский Колдун – вот как его должность называется. Сильнее его в нашей стране колдунов нет! Да что в стране! На всей Сэллари!

«Мамочки, куда я попала!» – запаниковала я, думая, не пора ли уносить отсюда ноги, но в этот момент Стэнн сказал, открывая калитку:

– Вот, пришли, – и пропустил меня вперёд.

А я, увидев раскинувшуюся передо мной панораму, сначала застыла в восхищении, а потом, как зачарованная, пошла по дорожке, разглядывая окружающее меня великолепие.

Посреди ухоженного и благоухающего сада стоял огромный трёхэтажный дом. Стены его были выкрашены в нежный кремовый цвет, а вдоль каждого этажа по периметру тянулись широкие балконы. Поддерживающие покатую крышу белые стройные колонны, такие же белые фигурные балясины⁴ на балюстраде⁵ и высокие, почти на весь этаж, окна, закруглённые сверху, придавали дому, несмотря на его размеры, лёгкость и воздушность.

От ступенек крыльца, огороженного коваными перилами, расходились дорожки из жёлтого кирпича («Как дорога в Изумрудный город!» – восторженно отметила я, горячая поклонница всей серии книг Александра Волкова). Две из них огибали большой круглый фонтан и затем, соединившись в одну, важно шествовали к воротам. Остальные, более узкие, извиваясь, бежали в разные стороны между клумб и кустов, создавая причудливые переплетения, давая возможность со всех сторон разглядеть изысканную работу садовника.

А сад и правда был великолепен. Аккуратно подстриженные «английские» газоны, на которых яркими пятнами выделялась буйно цветущая растительность, шарообразные кусты, высокие статные деревья – всё это, несмотря на явные следы планомерной работы садовника, каким-то непостижимым образом создавало ощущение дикой, неприглаженной, природы. В этом саду хотелось заблудиться и бродить без конца, отдыхая под деревьями, разглядывая броские цветы, слушая жужжание пчёл.

С открытым от удивления ртом я обошла вокруг дома, сопровождаемая посмеивающимся над моим восторгом мальчишкой, и вышла к неприметной калитке в окружающем сад высоком заборе. От калитки до ступенек к небольшой двери в боковой стене дома тянулась всё та же жёлтая дорожка, а по краям дорожки стояли пышные кусты разноцветных роз. Цветы, как, собственно, всё в этой стране, были огромные – каждый бутон с два моих кулака, а то и больше. Я никогда не видела таких красивых роз, поэтому остановилась около первого же куста и осторожно потрогала прохладные лепестки:

– Настоящая! – восхищённо прошептала я и обернулась к юному колдуну: – Они настоящие!

Мальчишка опять посмотрел на меня, как на дурочку, и ответил:

– Конечно, настоящие. А какие они ещё могут быть?

Я смутилась

– У нас таких больших роз не бывает. Наши раза в два меньше. И на одном кусте растут розы только одного цвета, а тут, смотри, куст один, а розы и красные, и жёлтые, и фиолетовые, и зелёные. Поэтому я и удивилась.

– У вас – это где? – с любопытством спросил Стэнн.

Я замаялась:

– Ну-у-у... Я не знаю. Там, где я живу. А где это – я сама теперь не понимаю. Далеко, наверное.

Я вздохнула, впервые подумав: а где же, действительно, мой дом и как же я выбираться отсюда буду?

– Ничего, – махнул рукой мой новый друг. – Ты не переживай. Мой папа тебя домой вернёт. Он знаешь, какой колдун! Он всё может! На вот лучше, возьми.

И Стэнн сорвал мне самую большую розу – тёмно-фиолетовую с лиловыми разводами.

Я осторожно взяла её, боясь уколоться о шип. Мальчишка, видимо, это понял и рассмеялся:

– Не бойся. Ты что, не видишь, что шипов нет?

Я внимательно рассмотрела стебель. Он был ровный и гладкий. Я подняла глаза на парня:

– Как хорошо! А то я розы не люблю, потому что всё время укалываюсь.

– Это мама постаралась. Садовник постоянно царапался о шипы, ну, мама

и заколдовала кусты. Все колючки отвалились и больше не растут. Здорово, да?

– Здорово, – согласилась я. – А мама у тебя, значит, тоже колдунья?

– Да, – с гордостью ответил Стэнн. – Не такая, как папа, конечно, но тоже многое может.

Я снова затрепетала: сбывались самые большие мои страхи. Никогда не мечтала оказаться на месте героев, сражающихся с колдунами. От одной мысли о том, что меня смогут превратить в камень или, того хуже, в какую-нибудь лягушку, а то и вовсе съесть, меня в дрожь бросало. Надеюсь, мама этого мальчика не питается непрошенными гостями, как Баба Яга из русских сказок?

И в этот момент я услышала приятный женский голос:

– Стэнни, у нас гости?

Мы обернулись. На крыльце стояла красивая женщина. Высокая, статная, с длинными – почти до пят – густыми тёмными вьющимися волосами, заплетёнными в толстую косу. Мягкий овал лица, сужающийся книзу, пухлые губы и большие выразительные глаза – прямо, русская красавица. А курносый нос придавал лицу какую-то милую задоринку. Выглядела женщина очень молодо, и я сперва подумала, что это, наверное, старшая сестра Стэнна.

– Mam, это – Селена. Она заблудилась и не знает, где её дом.

Женщина удивлённо подняла брови:

– Как у нас можно заблудиться?

Она выделила «у нас», имея в виду даже не весь город, а, пожалуй, всё королевство сразу. Позже, познакомившись с местной географией, я поняла, что заблудиться здесь было действительно трудновато. Сеть дорог, соединявших все города и посёлки, содержалась в идеальном порядке, а на стене каждого придорожного трактира висела карта, и любой возчик, едущий в нужном направлении, довёз бы усталого путника до нужного места. Запутать можно было только в лесу, но и это было бы странно, потому что всё население с малых лет знало, как выйти из леса по приметам типа: зелёный мох сэмэс растёт с восточной стороны деревьев, а красный мох сэмте – только недалеко от рек. Ну, и так далее. Так что, за последние тысячелетия заблудившихся в лесу можно было пересчитать по пальцам одной руки, да и те были несмышлеными младенцами, сбежавшими от засобиравшейся грибов няньки.

Поэтому можно было понять удивление мамы Стэнна.

Женщина спустилась со ступенек крыльца, подошла ко мне и окинула меня внимательным взглядом. Глаза её на мгновение удивлённо расширились, она вопросительно подняла брови, а потом лицо её приняло сосредоточенное выражение, которое через пару секунд сменилось доброй улыбкой:

– Меня зовут леди Икэсса Фарроас, а отца Стэнна – лорд Джэффас. Пойдёмте в дом, ребята.

Но не успели мы и шага сделать, как на крыльце показался высокий сухощавый мужчина, очень похожий на Стэнна. Такой же смуглый, темноволосый, с крепким волевым подбородком и прямым носом. Из-под густых бровей зорко глядели чёрные глаза.

– Ну, и где тут наша гостья? – спросил он и быстро сбежал со ступенек.

«Как он узнал, что я здесь? – удивилась я. – В окно, что ли, увидел?»

Тогда я ещё не знала, что здешние колдуны владеют способом передачи мыслей на расстояние – мыслеречью. И леди Икэсса уже сообщила ему о моём появлении.

Лорд Джэффас осмотрел меня со всех сторон и весело присвистнул:

– Да уж, таких гостей у нас ещё не было. Стэнн, где ты её встретил?

– У реки у Южных ворот, – настороженно ответил Стэнн. – А что-то не так, пап?

– Всё так, не волнуйся, – успокоил его отец. – Пойдёмте в дом, попьём чаю с тортом и поговорим. Интересно было бы узнать, как ты здесь оказалась.

Поднявшись по ступенькам крыльца, пройдя по узкому коридору и миновав небольшую, идеально чистую кухню, мы вошли в уютную, со вкусом обставленную, гостиную. И я опять распахнула в удивлении рот, во все глаза рассматривая это богатое великолепие, которое я раньше разве что в фильмах про царей видела.

Стены были обиты шёлком пастельных тонов. Вдоль одной из них, на узорном, песочного цвета паркете, стояли белые кресла с округлыми спинками и гнутыми ножками и небольшие изящные столики персикового цвета.

В высокие – до потолка – окна, обрамлённые светлыми шторами, задувал тёплый вечерний ветерок, игравший подвесками хрустальных люстр. Подвески издавали лёгкий прозрачный звон. В простенках между окнами стояли вазоны с яркими крупными цветами.

У противоположной от окон стены располагался огромный овальный стол, накрытый белоснежной скатертью. За этим столом, наверное, человек сорок могло поместиться. За ним мы и расселись на мягких удобных стульях, таких же белых и с такими же гнутыми ножками, как и кресла.

Когда перед каждым из нас оказалось блюдо с тортом и чашка с ароматным чаем, лорд Джэффас спросил:

– Селена, расскажи, где ты живёшь? Как ты сюда попала?

Я растерялась:

– Я не знаю... я помню, что легла дома спать. Я с подружками поссорилась, и ещё мама меня отругала. И мне так обидно было, что я одеялом с головой укрылась и заплакала. И вдруг услышала голос Стэнна. Он спросил: «Чего ревёшь?». Глаза открыла – а я не дома в кровати, а здесь, на берегу реки. Я теперь сама ничего не понимаю. И не знаю, как мне домой вернуться.

Я почувствовала, что сейчас опять расплачусь и наклонила голову, чтобы скрыть выступившие на глазах слёзы.

– Не переживай, съешь лучшую конфетку, – лорд Джэффас подвинул мне вазочку с конфетами. – Всё в порядке у тебя будет. И домой ты вернёшься очень скоро. Выспишься – и вернёшься.

– То есть как – высплюсь? – удивилась я.

– Понимаешь... даже не знаю, как и объяснить. Я тоже впервые с этим сталкиваюсь, но в древних книгах читал, что такое случалось и раньше... Словом, ты просто спишь. Спишь дома, у себя в кровати. А мы тебе просто снямся.

– То есть как это – снямся? – запротестовал Стэнн. – Мы что, её сон? И в действительности не существуем?

– Ещё как существуем! – улыбнулся лорд Джэффас. – Ты с Селеной только сегодня познакомился, но ты же помнишь всю свою предыдущую жизнь, правда? Без Селены.

– А вдруг и моя предыдущая жизнь ей тоже приснилась, – угрюмо пробормотал Стэнн.

– Да, это – тяжёлый вопрос, над которым наши философы бьются уже не первую тысячу лет, – рассмеялся лорд Джэффас. – Чем сон отличается от яви и как реальность переплетается со сновидениями? Рассуждать на эту тему до конца жизни можно. Но пока

можешь принять на веру мои слова, если ты мне, конечно, доверяешь: мы – вполне реальные люди, существующие независимо от снов Селены. А вот Селена немного выпадает из нашей реальности, что, собственно, совсем не мешает ей жевать этот вкусный торт, чего и тебе, сын, советую.

А я и правда, накинулась на торт, позабыв про все свои проблемы. Такой вкусотищи я никогда в своей жизни не ела. На фоне его изумительного вкуса всё остальное казалось не стоящим внимания. Тем более, что лорд Джэффас пообещал мне, что всё у меня будет хорошо, и домой я вернусь очень скоро. Так что я перестала беспокоиться и решила получить от своего сна максимум удовольствия.

Но вдруг пришедшая мысль выбила меня из безмятежного настроения.

– Лорд Джэффас, а когда я проснусь... ну... я потом смогу ещё раз сюда вернуться?

– А почему бы и нет? – вопросом на вопрос ответил лорд. – Просто, засыпая, подумай о нас и захоти попасть именно сюда. Я думаю, у тебя получится.

Огромный камень упал с моей души, и я снова вернулась к торту.

Так началась моя жизнь в Лэнмаре, столице Кэтанга, одной из стран Сэллари, продолжавшаяся целых восемь лет. Каждый вечер я ложилась спать – и оказывалась в доме Стэнна, ставшего мне за эти годы лучшим другом. И даже больше, чем другом. А потом что-то случилось, и я перестала видеть этот сон. И вот сейчас, после длительного перерыва, я каким-то образом снова вернулась сюда.

– Стэнн! Здравствуй! Как я рада тебя видеть!

Я чуть на шею ему не кинулась, обрадовавшись нашей встрече. Но тут же смущённо потупилась: столько лет прошло. Может, он уже разлюбил меня. Совсем же мальчишкой был, когда мы расстались. Он, поди, за это время женился, кучу ребятишек завёл. А я к нему сейчас обниматься полезу. Шокирую парня.

И, вместо горячих объятий, я неуверенно протянула ему ладонь, которую он сразу схватил обеими руками.

– А я-то как рад! Сколько лет прошло! Я уж и не чаял тебя встретить. Думал, ты никогда не вернёшься!

Стэнн сжимал мою руку, и было видно, что он едва сдерживается, чтобы не заключить меня в объятия, и только его аристократическое воспитание спасает меня от этого проявления бурной радости.

Значит, он всё-таки вспоминал обо мне?

– Стэнн... А сколько лет меня здесь не было?

– Почти сорок. А если точнее – тридцать семь лет и десять месяцев. И тринадцать дней.

Ой... Это ж сколько ему сейчас лет? Когда мы расстались, мы были одногодками. А сейчас ему... Хм... так, с ходу и не сосчитаешь. А ведь в нашем мире всего десять лет прошло. Впрочем, какая разница. Выглядит-то он лет на тридцать, не больше. Да и вообще, как мне помнится, здешние колдуны до пятисот лет живут, так что в любом случае до старости ему ещё далеко.

– А часов? – улыбнулась я. – Откуда такая точность? Ты так хорошо запомнил день моего исчезновения?

Стэнн смутился так, что на щеках выступили красные пятна.

– Я... да... я запомнил... Это же было в тот день, когда я тебя поцеловал, помнишь? Ты тогда сказала, что ещё недостаточно взрослая, чтобы целоваться с мужчинами. А потом

случился этот страшный обвал... Меня оглушило, я не сразу пришёл в себя, а когда мы с отцом разгребли завал, тебя в пещере не было. Ты просто исчезла. И больше не появлялась... А я каждый год отмечал этот день в календаре, как самый чёрный день в моей жизни...

...Мы спешили недалеко от входа в пещеру и освобождённый от нас Мурлыка, потянувшись и зевнув во всю свою клыкастую пасть, растянулся на каменистой площадке. Горы были далеко от города, Мурлыка вёз нас несколько часов и, конечно же, устал. Я потрепала его между ушей:

– Уморился, бедняга! Отдыхай. Спасибо, что привёз нас.

Стэнн достал из заплечного мешка большой кусок мяса и кинул его Мурлыке.

– Ешь! Ты честно заработал этот обед

Мурлыка с урчанием набросился на мясо, а мы, поднявшись по пологому склону, заглянули в пещеру.

– Ой, как темно! – протянула я. – Ничего и не видно толком.

– Подожди, сейчас факелы зажгу.

Стэнн достал из мешка два больших факела и, прищёлкнув пальцами, пустил в каждый из них по маленькому огненному шарик. Факелы мгновенно вспыхнули ярким пламенем, и мы, согнувшись, пробрались через низкое отверстие внутрь.

Пещера была совсем маленькая. Не пещера, а пещерка. Факелы освещали её всю не хуже электрической лампы. Я огляделась: ни дополнительных выходов, ни подземных ходов, ни скелетов по углам... Словом, вполне добропорядочная и довольно скучная пещера.

– И что мы тут будем делать? – разочарованно спросила я. – Ты её так расписал, я уж думала, тут какая-то сказочная красота, а здесь – ничего особенного.

– Ты погоди, – улыбнулся Стэнн. – Во-первых, отсюда изумительный вид на закат, и ты скоро в этом убедишься. А во-вторых, здесь неинтересно только при свете факелов, они слишком яркие для такой маленькой пещеры. А мы сейчас костёр разожжём вот в этой нише, – он ткнул пальцем в углубление в скале, над которым нависал небольшой козырёк, – а факелы погасим. И, когда стемнеет, тут таинственности ого-го сколько будет!

– Ладно, давай свои дрова, – сказала я, и нагнулась за мешком. И Стэнн тоже нагнулся. Мы стукнулись лбами и я, вскрикнув, упала на колени, потирая ушибленное место.

– Ну, вот, теперь шишка будет, – расстроилась я.

– Ничего, – утешил Стэнн, – ты мне и с шишкой нравишься.

Я улыбнулась, а Стэнн, присев передо мной, аккуратно отвёл мою руку:

– Давай, полечу.

Тожже опустил на колени для большей устойчивости, положил на ушиб ладони, одну на другую, что-то пробормотал, и, убрав руки, вдруг поцеловал меня – сперва в лоб, а потом, не дав мне опомниться, прямо в губы быстрым, коротким поцелуем. И, сев на пятки, настороженно посмотрел на меня: как я среагирую.

А я, как всегда, растерялась. Я вообще очень легко теряюсь, когда происходит что-то непредвиденное. И только и смогла сказать:

– Это что, тоже для лечения надо?

– Ага, – согласился этот юный хитрец. – Давай ещё полечу. Чтобы уж точно шишки не было.

И он снова потянулся ко мне. Но я, вдруг испугавшись, отшатнулась и быстро встала:

– Не надо, Стэнн, я... – я замолчала, пытаюсь найти причину, оправдывающую моё поведение. – Я ещё не достаточно взрослая, чтобы с мужчинами целоваться. Давай подождём хотя бы годик... а там видно будет.

– Тебе уже семнадцать, – пробурчал Стэнн.

– Вот именно. И тебе тоже. Мы ещё несовершеннолетние.

И я отвернулась, скрывая смятение, и сама понимая, что дело здесь совсем не в возрасте. Просто я привыкла считать Стэнна своим братом, а когда брат лезет с поцелуями... Надо было срочно менять жизненную концепцию, а на это требовалось время. К тому же я вдруг подумала, что от братского поцелуя я бы, наверное, так не разволновалась. А это значит... Ой, лучше не думать, что это значит. По крайней мере, сейчас, когда мы собрались вдвоём ночевать в этой пещере.

Я отошла к нише и повторила:

– Давай уже дрова.

Парень разочарованно вздохнул и потянулся за мешком.

И тут мы услышали скорбный вой Мурлыки

Стэнн выпрямился и удивлённо посмотрел на меня. Но не успел он и слова сказать, как мы услышали странный подземный гул. У меня появилось ощущение, будто из центра Земли начал подниматься огромный лифт, причём с неисправным механизмом.

– Что это? – испуганно вскрикнула я.

– Не знаю, – встревожено прислушался Стэнн. – Сейчас посмотрю.

Он резко встал и шагнул к выходу... и в этот момент стены пещеры дрогнули, заколебались, как шторы на сквозняке, пол заходил ходуном, и огромный камень, сорвавшись с потолка, рухнул между нами. За ним полетело множество мелких.

– Стэнн! – завизжала я, забиваясь в нишу, в которой мы хотели развести костёр.

Стэнн не отвечал. То ли был слишком далеко и не слышал меня, то ли... Но эту мысль я старательно гнала от себя. Не мог Стэнн так глупо погибнуть! Не мог!

Я сидела, согнувшись в три погибели, в крохотной нише, и с ужасом слушала подземный гул и потрескивание каменных стен. К моему счастью, эпицентр землетрясения был далеко от этой пещеры, поэтому, хоть земля ещё и подрагивала, камнепад быстро прекратился. Камни завалили вход и погасили факелы, и я сидела в кромешной тьме, не видя даже кончика собственного носа. Потом гул прекратился, и наступила звенящая тишина.

– Стэнн! – почти прошептала я, боясь нарушить это страшное безмолвие.

Стэнн не отозвался.

– Стэнн! – позвала я громче, но даже этого малейшего сотрясения воздуха хватило, чтобы с вершины перегородившей дорогу к выходу насыпи, шурша, посыпались мелкие камушки. Я испуганно замолчала.

Я сидела, сжавшись, под ненадёжным прикрытием маленького козырька ниши, в полной темноте, слыша только шорох сползающих камней, не зная, жив ли Стэнн, знает ли кто-нибудь, что здесь произошло, спасут ли меня, или эта мрачная пещера станет моей могилой...

Сказать, что я была испугана – ничего не сказать. Тёмный первобытный ужас поднимался глухой волной откуда-то из глубины души, затапливал меня, заставляя сжиматься сердце. У меня застучали зубы, я покрылась липким холодным потом...

– Господи, – вдруг прошептала я. – Помоги! Я хочу домой! Я хочу исчезнуть отсюда и больше никогда тут не появляться! Я хочу домой! Я не хочу здесь оставаться!

Пожалуйста, отправьте меня домой!

Я сидела, закрыв глаза, и истово молилась неизвестному мне Господу. Молилась впервые в жизни, всей душой желая получить Его помощь и поддержку. Вряд ли бы мои родители-атеисты похвалили меня за такое усердие, но мне сейчас было не до богословских споров. Я хотела остаться в живых, и Господь был единственным существом, могущим мне помочь в этой, абсолютно безнадёжной, ситуации.

И тут я почувствовала ещё один подземный толчок. Камень надо мной зашатался, и я всеми обострившимися от опасности чувствами поняла, что он сейчас упадёт и придавит меня. Я в ужасе закричала... и проснулась.

Я сидела на своей родной кровати, в незашторенное окно падал лунный свет, а на пороге стояла сонная мама:

– Что случилось? Ты чего кричишь? Кошмар приснился?

Я с трудом перевела дух:

– Да... что-то ужасное...

– Что? – мама подошла и села на краешек кровати.

– Не помню... совсем не помню... но что-то ужасное... страшное... не хочу вспоминать, не хочу!

– Ну и не вспоминай. Ты дома, мы с папой здесь, всё в порядке. А это был только сон.

Она уложила меня, поправила одеяло:

– Спи. А то не выступишься. Скоро утро.

Мама вышла, а я встала и, подойдя к окну, стала смотреть на тёмный двор, освещаемый только лампочками у подъездов. Сердце отчаянно билось, в ушах всё ещё стоял гул, который я слышала во сне, но вспомнить, что мне снилось, я так и не смогла. Да я и не особо пыталась.

...А на следующий день я выяснила, что дико боюсь лифтов. И потом ещё много лет даже на девятый этаж к друзьям ходила пешком, если у меня не было попутчиков, которые могли бы отвлекать меня во время подъёма разговорами...

Я осторожно освободила руку из ладоней Стэнна и, отвернувшись, обеими руками начала гладить громко мурлычущего зверя.

– Так вот почему я боюсь замкнутого пространства, – я не поворачивалась, спиной чувствуя внимательный взгляд Стэнна. – Знаешь, я долгое время в лифтах ездить боялась. В детстве нравилось в них кататься, а потом – как отрезало. И до сих пор, собственно, их не люблю. А сейчас вспомнила, как мне было страшно в этой маленькой пещерке, где я сидела под потрескивающим камнем и молилась, чтобы он не свалился и не придавил меня. А потом мне захотелось исчезнуть оттуда, вернуться домой. И я проснулась. И напрочь забыла свой сон. Помнила только, что снилось что-то страшное, и очень не хотела туда возвращаться. Наверное, поэтому мне этот сон и перестал сниться.

– Наверное...

Стэнн подошёл, встав у меня за спиной, и положил мне руки на плечи.

– Но сейчас ты здесь, и я очень этому рад.

– Я тоже рада, – взглянув на него через плечо, улыбнулась я. – А ещё я рада тому, что мне не придётся пешком топать. Ты ведь довезёшь меня, правда?

– Конечно! Залезай!

– Милый зверь! – обратилась я к гепарду. – Ты прокатишь меня до города?

«Милый зверь» боднул меня головой так, что я покачнулась, и зевнул, показав все свои великолепные острые зубы.

Я сочла это знаком согласия и с помощью Стэнна уселась на мягкую кожаную попону, которой была покрыта спина этого необычного средства передвижения. Стэнн уселся сзади и тронул поводья.

– Мы ведь не торопимся? – спросил он. – Мурлыка может прогуляться не спеша?

– Ты так и зовёшь его Мурлыкой? – рассмеялась я. – Такой зверюга вымахал!

– Конечно, – улыбнулся Стэнн. – Это же ты его так назвала. А я ничего менять уже не стал...

...Мы нашли этого крохотного, ещё слепого, котёнка, когда гуляли по лесу. Он лежал под корнями упавшего вигнума и плакал, как маленький ребёнок.

– *Смотри, какая кроха!* – я кинулась было к нему, но Стэнн схватил меня за руку:

– *Подожди!*

Он внимательно огляделся по сторонам:

– *Вдруг тут мать поблизости. Пошли-ка лучше отсюда.*

– *Стэнн, он даже не в норе! Если бы мать была рядом, она бы давно прибежала. Что-то случилось. Слышишь, как он пищит? Буквально из последних сил.*

Жалобный плач котёнка перемежался горькими всхлипываниями.

Стэнн снова оглянулся.

– *Да. Наверное, ты права.*

Мы подошли к малышу. Я взяла его на руки:

– *Стэнн! Он худой, как велосипед! У него все косточки прощупываются! Его надо срочно накормить, не то он умрёт от голода!*

Будто в подтверждение моих слов котёнок, на шарив мой палец, начал его сосать, но сил у него уже не было даже на это и, сделав пару сосательных движений, он тихонечко заскулил, жалуясь на судьбу.

Сердце у меня заныло:

– *Стэнн, бежим скорее! Его спасать надо!*

– *Бежим!*

И мы со всех ног кинулись на полянку, на которой оставили чудо техники, сделанное Стэнном по моим чертежам и описаниям – велосипед. До моего появления такого транспорта в этом Мире не было. Ну, а чтобы мы могли ездить на нём вдвоём, Стэнн его сразу и модифицировал, удлинив раму и сделав двойное седло.

Вскочив на велосипед, Стэнн побил все рекорды скорости. Мне иногда казалось, что колёса отрываются от земли и летят над тропинкой. Хотя, кто его знает, может, так оно и было. Стэнн уже тогда неплохо колдовал. Врождённый талант, как однажды выразился про его способности друг семьи, Главный Маг Высшей Школы Магии и Колдовства Атулис Гусоас.

Дома первым делом мы накормили малыша молоком. Лакать он ещё не умел, поэтому сначала, пока Стэнн носился по дому в поисках какого-нибудь приспособления для кормления, я кормила кроху с пальца: обмакивала его в молоко и давала котёнку его облизать. Потом Стэнн нашёл, наконец, пипетку, и дело пошло веселее. Вскоре маленький обжорка перестал чавкать и упал на спинку, кверху тугим, как барабан, пузиком. Я пощекотала его животик, почесала за ушком, и он, довольный жизнью, вдруг громко замурлыкал, будто моторчик

включили.

Я рассмеялась:

– Ах, ты, мурлыка!

– Мурлыка? – переспросил Стэнн. – А что, давай так и назовём.

Так и стала наша находка Мурлыкой...

Я снова ласково погладила Мурлыку по крепкому загривку и повернулась к Стэнну:

– А как этот зверь называется? Никак вспомнить не могу.

– Гепьерд

– Гепьерд Мурлыка... Смешно звучит, – улыбнулась я. – Удивительно, что он меня вспомнил. Через столько-то лет.

– Он очень скучал по тебе, когда ты пропала. Ты ж для него второй мамой стала.

– Это да... – я снова погрузилась в воспоминания.

...Мурлыка рос очень быстро. Так быстро, что уже через полгода был мне по пояс, а, встав на задние лапы и положив передние мне на плечи, запросто вылизывал мою макушку. Хотя от этого выражения любви и преданности я всегда старалась увернуться. Он давно перестал пить молоко и перешёл на мясной рацион. Хотя этот обжорка не брезговал и кашами, пирогами, да и вообще обладал удивительной всеядностью. Впрочем, Стэнн никогда не перекармливал его, очень строго следил за его питанием и всегда ругал меня, когда я, не выдержав просящего взгляда чёрных раскосых глаз, пыталась подсунуть Мурлыке добавочный кусочек.

– Ты хочешь раскормить его до размеров свиньи и потом продать на мясо? – строго вопрошал он, в очередной раз делая мне выговор. – Это – дикий зверь. Он должен быть сильным, гибким и выносливым. А ты его балуешь.

– Ну, какой же он дикий? – жалобно ныла я. – Он живёт в твоём доме, ты его кормишь. Кличка у него смешная. Вполне домашнее животное.

– Жизнь длинная, мало ли как повернётся, – туманно объяснял Стэнн и грозил Мурлыке пальцем: – Ты опять к мамке подлизываешься? Знаешь, что она тебе отказать не может!

Мурлыка, обиженно мявкнув, уходил спать на свою лежанку, а я обзывала Стэнна тираном и деспотом, впрочем, в глубине души виновато понимая, что в данном случае прав он, а не я.

С первого же дня Стэнн начал дрессировать котёнка. Как ни странно, гепьерд оказался очень способным учеником, что бы ни говорили учёные мужи, заявляя, что эти звери абсолютно не поддаются дрессировке. Может, тут сыграла свою роль наша любовь к этому маленькому зверёнышу, или то, что мы его взяли к людям совсем крохотным, а может, Стэнн подколдовывал... не знаю. Но Мурлыка охотно разучивал все трюки, которые показывал Стэнн, радостно приветствовал гостей, подавая им лапу, и шокировал всех, с разбегу в прыжке снимая с посетителей головные уборы и складывая их на полку для шляп. Пока гости приходили в себя, мы со Стэнном утаскивали Мурлыку из прихожей в дальние комнаты и там ржали, как ненормальные, вспоминая растерянные лица посетителей. Впрочем, подобная забава нам быстро надоела. Да и гости вскоре привыкли к этим выходкам и перестали пугаться. Всё-таки, к отцу Стэнна, занимавшего должность Главного Королевского Колдуна, приходили не слабонервные барышни, а такие же колдуны и маги, поэтому и всерьёз напугать их было довольно проблематично.

Когда Мурлыка достаточно окреп, Стэнн решил, что из него получится великолепное средство передвижения – намного быстрее велосипеда, и педали крутить не надо. Обычная сбруя, которой пользовались, седлая местную разновидность лошади, для гепьерда не подходила, поэтому Стэнн разработал свою упряжь, держащуюся на Мурлыке, по-моему, только с помощью колдовства, но зато совершенно ему не мешающую и при этом позволяющую всаднику уверенно сидеть на гибкой спине широко скачущего зверя. И с той поры велосипед был забыт навеки. Сперва он валялся в углу комнаты, а потом Стэнн подарил его своему младшему брату Айтубе, который, благодаря этому, наконец-то смог подружиться с соседской девочкой, на которую давно поглядывал, не решаясь подойти. Но с таким чудом техники задача решилась вмиг: «Хочешь, прокачу?» — и девочка уже с визгом цепляется за его плечи, чтобы не упасть при быстром спуске с горы, а потом хвастается всем подружкам, какой замечательный у неё друг появился. Правда, после мы не раз подкалывали Айтубу, что, пожалуй, не надо было ему катать Кэйлис. Очень уж занудной и правильной оказалась эта девчонка. И даже нам со Стэнном не раз попадало от неё за наше, как она говорила, «ребячество», несмотря на то, что мы были старше её на несколько лет.

– Стэнн, а ребята как поживают? Айтуба, Кэйлис?

– О! Они ведь поженились, в конце концов. Айтуба лекарем стал. Травником. А Кэйлис так хорошо Высшую Школу закончила, что её там же и преподавать оставили. Историю магии и Культурологические основы колдовства. По-моему, муть жуткая, а ей нравится.

– Она всегда любила поумничать, – улыбнулась я. – А ты сам как? Тоже женился?

– Я? – Стэнн помолчал, потом нехотя продолжил. – Пытался один раз... два года прожили и разбежались. Больше не пробовал. А ты?

– Я тоже пыталась... Прожили совсем немного, а потом муж умер. Точнее, погиб. Гонял на мотоцикле и не вписался в поворот.

– Прости...

– Да ничего.

Мы помолчали. Я оглядывала окрестности, наслаждаясь дурманящими запахами трав и цветов, слушая жужжание пчёл и больших тёмно-коричневых жуков, со скоростью реактивного самолёта и с таким же гудением носящимися от дерева к дереву.

– Слушай, ты сказал, что у вас почти сорок лет прошло. А в нашем мире – только десять. Как это может быть? Мы же, вроде, с тобой одноклассниками были, а теперь ты меня намного старше.

– Не знаю, Селена, – по голосу было слышно, что Стэнн улыбается. – Фокусы времени. Может быть, дело в том, что ты спишь, а во сне многое можно, в том числе и управлять временными потоками?

– То есть, я сначала была в твоём прошлом, потому что играть с тобой сорокалетним мне было бы не интересно, а теперь оказалась в настоящем? Или даже в будущем? Ох, к этому надо привыкнуть...

Я снова проводила взглядом пролетевшего мимо крупного жука и перевела разговор:

– А что это за жуки? Что они носятся, как ненормальные?

– Это брунбики. У них брачный период, самцы пытаются самок догнать.

Я рассмеялась:

– А самки что, замуж не хотят? Так улепётывают...

Стэнн тоже улыбнулся:

– Ну, кто их знает. Может, и не хотят. Давай поймаем и спросим.

Но я уже забыла про жуков, увидев быстро приближающуюся городскую стену. Гепьерды, охотясь, набирают скорость чуть ли не до двухсот километров в час. А за их неспешным, прогулочным шагом может только автомобиль угнаться. Так что, не прошло и десяти минут, как Южные ворота города предстали перед нами во всём своём великолепии.

— Помнишь, как мы через эти ворота на речку бегали купаться? – обернулась я к Стэнну. – Здорово было, да? Интересно, а наше убежище еще цело?

— Цело, — улыбнулся Стэнн. — Я иногда там бываю. Только раньше мы с тобой и с Мурлыкой втроём туда помещались, а сейчас мне одному тесно, и Мурлыке приходится рядом в воде сидеть.

— А давай сначала туда сходим, а потом уже в город поедем?

Стэнн улыбнулся и вполголоса скомандовал:

— Мурлыка, на остров.

Мурлыка сошёл с дороги и, несколькими огромными прыжками проскочив пляж, с разбегу кинулся в воду.

Я взвизгнула от неожиданности и вцепилась в поводья.

...Когда Мурлыка подрос и стал носиться по дому со скоростью всё разрушающей баллистической ракеты, леди Икэсса, мама Стэнна, начала выгонять нас из дома на улицу.

– Там крушите, что хотите, – приговаривала она. – А наш дом мне пока ещё дорог. Хотя бы как память о бабушке. Мне надоело восстанавливать стены после ваших игр.

И поэтому каждый день мы втроём уходили через Южные ворота далеко в степь или в лес и давали Мурлыке вволю побегать. Всё-таки, для дикого животного даже немаленькие размеры дома Стэнна были слишком тесны.

Ну, а стену мы, положим, проломил только один раз, это уж леди Икэсса преувеличивала. Я в тот день, на её беду, рассказала Стэнну о каратистах, которые ребром ладони кирпичи ломают, а кулаком стены прошибают. Стэнну, естественно, сразу захотелось попробовать.

Он долго примерялся, бормотал что-то себе под нос, подносил кулак к стене, снова отходил... Под конец мне всё это надоело, и я заныла:

– Стэнн, пошли уже. Мурлыка гулять хочет.

– Подожди, – отмахнулся Стэнн. – Вот сейчас стену сломаю, и мы через этот пролом сразу к задней калитке выйдем. Обходить не надо будет.

– Ну-ну, – скептически пробормотала я, а вслух заявила: – Даю тебе три минуты. Если стена будет ещё на месте, мы с Мурлыкой уходим через дверь, как все нормальные люди.

Стэнн мрачно посмотрел на меня, размахнулся и с приглушённым воплем с размаху ударил кулаком по стене.

Стена сперва прогнулась, как резиновая, потом пошла трещинами, а затем рухнула, и в появившемся отверстии я увидела испуганное лицо садовника, подрезавшего розы около калитки.

Стэнн и сам перепугался не меньше, когда увидел плоды трудов своих.

– Бежим! – сдавленно прохрипел он, и мы, ломанувшись в получившийся проём, сопровождаемые грохотом рушащихся колонн и балконов, выскочили на улицу и помчались

к реке, к нашему тайному убежищу, устроенному на небольшом острове среди камышей.

Там, с трудом отдышавшись, я сначала покрутила пальцем у виска, демонстрируя свою порядочность:

– Ты совсем того, да? А если бы дом рухнул?

А потом, не выдержав, восхищённо продолжила:

– А как это тебе удалось? Стена же толстенная, не меньше метра.

И тут же забеспокоилась:

– Рука-то как? Сильно болит? Ушиб ведь, наверное?

Стэнн молча гладил левой рукой лежащего у его ног Мурлыку.

– Стэнн, ты чего? Болит, да?

Я перелезла через Мурлыку и хотела взять его за руку, но он отшатнулся и сквозь зубы прошипел:

– Не трогай.

И тут я увидела, во что превратилась его рука после фокуса с прошибанием стены.

– Стэнн! Ты же руку сломал! Смотри, она опухла и посинела! Какого чёрта ты сюда прибежал? К лекарю бежать надо было.

У Стэнна дрогнули губы, но он ничего не сказал. И это напугало меня ещё больше.

– Стэнн, вставай. Пойдём к лекарю. Ну, пожалуйста!

Я уже чуть не плакала, и, наверное, именно это и помогло Стэнну справиться с болью. Он терпеть не мог, когда я, по его словам, «распускала нюни, как последняя девчонка». Хотя, собственно, я ведь ею и была.

Морщась и изредка постанывая сквозь крепко сжатые зубы, он встал и медленно стал выбираться из камышей. Я плелась за ним, изо всей силы стараясь не расхлюпаться. Мурлыка встревожено поглядывал на нас, не понимая, что случилось, и, как всегда в таких случаях, держался рядом со мной: то ли пытался уберечь меня от неясной опасности, то ли, наоборот, сам нуждался в моей защите.

А на берегу нас ждали лорд Джэффас и какой-то незнакомый мужчина.

– Папа? – от неожиданности Стэнн остановился. – Папа... я знаю... я поступил неправильно...

– Руку покажи, – перебил его отец.

Стэнн подошёл поближе. Лорд Джэффас только головой качнул, глядя на посиневшее бревно, когда-то бывшее худенькой рукой его сына.

– Ну, что, Мэррас? Вылечишь?

Мэррас внимательно осмотрел руку, потом приложил к месту перелома свои ладони и что-то забормотал. Отёк стал спадать на глазах. Боль, видимо, тоже уходила, потому что на бледное лицо Стэнна начал возвращаться румянец.

– Теперь как? – через пару минут спросил Мэррас. – Не больно?

Стэнн замотал головой.

– Боль и отёк я ему снял, а кости буду сращивать уже в лечебнице. Тут регенератор нужен. Много мелких переломов, – обращаясь к лорду Джэффасу, сказал Мэррас. И повернулся к Стэнну:

– А вот если бы ты не геройствовал, а сразу ко мне пришёл, давно бы всё в порядке было.

– Я испугался, – выдавил Стэнн и исподлобья бросил на меня хмурый взгляд. Ему было неприятно признаваться при мне в своей слабости.

– Испугался он, – усмехнулся лорд Джэффас. – Дом родной крушить он не боялся, а к лекарю идти испугался. Вояка.

И тут я, наконец, разревелась. Видимо, от облегчения, что весь этот ужас заканчивается.

– Не плачь, Селена, – лорд Джэффас подошёл ко мне, обнял и погладил по голове. – Со Стэнном всё будет в порядке. Сейчас лорд Мэррас его вылечит.

Я ещё пару раз всхлинула и вытерла слёзы:

– Вы Стэнна не ругайте, это я во всём виновата. Если бы не я, ему бы и в голову не пришло всё это делать.

– И ничего не ты! Я сам виноват! – выкрикнул Стэнн. – Ты же не знала, что я колдовать буду. А без колдовства я бы не смог её проломить.

– Оба хороши, – вздохнул лорд Джэффас. – Идите скорее с лордом Мэррасом. Чем больше времени пройдёт, тем дольше заживать будет.

И повернулся к Стэнну:

– Дом чинить сам будешь. Я за тебя твои огрехи исправлять не собираюсь.

Развернулся и зашагал к городским воротам.

Лорд Мэррас поглядел на нас и весело улыбнулся:

– Ну, вы даёте, ребята. Когда я увидел, что от стены осталось, я удивился, что дом ещё стоит. Хотя, наверное, повезло, что твой отец дома был. Он успел предотвратить крушение. Иначе бы нам всем не поздоровилось.

– Вы тоже при этом были? – поинтересовалась я.

– Да, имел счастье... Ну, пошли? – и он, взяв Стэнна под здоровую руку, повёл его за собой.

Мы с Мурлыкой поплелись следом.

Мы уже подходили к лечебнице лорда Мэрраса, когда мрачно молчавший всю дорогу Стэнн вдруг спросил:

– А как папа узнал, что мне помощь нужна?

– Это ты у него спроси, – ответил лорд Мэррас, открывая перед ним дверь. И обернулся ко мне: – А вы подождите здесь. Посидите пока на лавочке. Стэнн вернётся минут через двадцать.

Дверь закрылась, а мы с Мурлыкой, вздохнув, уселись ждать Стэнна под высокой и толстой яблоней...

Мы сидели на островке, окружённом камышом, и Стэнн одной рукой обнимал меня за плечи, а другой держал за руку, словно боялся, что я могу исчезнуть в любой момент. И от этого ли, или от того, что островок был на диво маленький, а мы были уже достаточно большими, и, чтобы не вымокнуть в воде, нам приходилось сидеть, тесно прижавшись друг к другу, у меня внутри всё дрожало, и сердце билось, как ненормальное.

– И правда он очень маленький, островок этот. А раньше каким большим казался.

Я повернулась к Стэнну, пытаюсь улыбнуться дрожащими губами.

Стэнн серьёзно смотрел на меня и молчал. Только пальцы его сильнее сжали мою руку.

– А ты выяснил тогда, как отец узнал, что с тобой беда приключилась?

– Да, конечно. Существует родительское заклинание. Если отец и мать прочитают его над ребенком в первые часы после его рождения, они всегда будут знать, где он и что с ним. Правда, действует это заклинание только до совершеннолетия.

– Понятно.

Мы опять замолчали, слушая тихое шуршание камыша.

– Стэнн... а помнишь, как ты лифт изобрёл? – мне надо было поднять настроение, и эпизод с лифтом вспомнился вполне кстати.

– Помню, – улыбнулся Стэнн. – Сейчас даже вспоминать смешно, какой я был глупый!

– Скажи лучше, какой ты был умный и талантливый мальчишка! Тебе ведь всего одиннадцать лет было. Лорд Атулис тогда тебя гением назвал.

– Серьёзно? – рассмеялся Стэнн. – Хорошо, что ты мне не сказала, а то бы я зазнался.

...Мы сидели на нашем островке, и я рассказывала о своём городе.

– А дома у нас не такие, как здесь, а многоэтажные. И девять этажей есть, и четырнадцать, и ещё больше.

– Как же вы на четырнадцатый этаж поднимаетесь? – удивился Стэнн. – Это же долго.

– У нас лифты есть для этого. Такие кабинки подъёмные. Маленькие комнатки. Заходишь в такую комнатку, нажимаешь кнопочку с цифрой нужного этажа, и лифт тебя туда сам довозит, а ты просто стоишь и ждёшь.

– Здорово! – восхищённо пробормотал Стэнн, и в его глазах зажглись уже знакомые мне искорки.

– Стэнн, только не надо ничего выдумывать прямо сейчас, – поспешно проговорила я. – Пошли лучше на велосипеде кататься.

– Пошли! – кивнул Стэнн. – Кто последний, тот лягушка!

И мы наперегонки помчались к велосипеду, оставшемуся на берегу у городской стены под присмотром стражников. Конечно, Стэнн меня обогнал, и пришлось мне раз десять квакнуть, прежде чем он разрешил мне усесться в седло.

Когда я в следующий раз пришла к нему, он, ни минуты не медля, с таинственным видом потащил меня в сад.

– Смотри, что у меня есть!

На земле, у толстого ствола арабузги^б, перевёрнутая кверху ножками, лежала широкая табуретка. К длинным ножкам были привязаны верёвки, уходившие вверх и терявшиеся в ветвях дерева.

– Это что?

– Сейчас увидишь. Вставай внутрь

Я забралась в табуретку, пытаюсь догадаться, какую новую игру Стэнн придумал на этот раз.

Внезапно табуретка оторвалась от земли и, покачиваясь, начала довольно быстро подниматься вверх. При этом, вопреки всем законам физики, верёвки, к которым была привязана табуретка, не натягивались, а шурша, свивались в кольца и падали на дно табуретки, прямо мне на ноги.

Перепугавшись до полусмерти, я присела, закрыла глаза и, вцепившись в ножки, завизжала так, что с дерева сорвалась отдохавшая в ветвях стая птиц, а в окно кухни высунулась леди Икэсса:

– Стэнн! Немедленно опусти девочку!

Табуретка прекратила подъём, немного покачалась в воздухе, и не спеша поплыла вниз.

– Тебе не понравилось? – раздался над ухом разочарованный голос Стэнна, и я, наконец,

открыла глаза.

Табуретка днищем прочно лежала на земле, но у меня перед глазами до сих пор всё качалось и кружилось, и я не сразу решилась разжать пальцы.

– Дурак! – сердито сказала я и, выбравшись из этого ненадёжного сооружения, быстро пошла к дому.

– Селена, ты чего? – растерянно спросил Стэнн, хватая меня за руку. – Я думал, ты обрадуешься. Я же лифт изобрёл!

– Разве это лифт! – закричала я, всё ещё не придя в себя от ужаса, охватившего меня в тот момент, когда я болталась высоко над землёй без всякой страховки. – Лифт – это кабинка. Стены со всех сторон. Знаешь, что не вывалишься. А тут что? Даже держаться не за что!

– Ну, так же интереснее. И видно всё, и качаешься, как на качелях. Здорово ведь? – воодушевлённо проговорил он, но взглянув на мою насупленную физиономию, закончил упавшим голосом: – Или нет?

Я помолчала, думая, надо ли обижаться на этого глупого мальчишку. Он, вроде, порадовать меня хотел. А что не получилось – так на то он и мальчишка. У них вечно шуточки дурацкие. Ладно, пусть живёт.

– Я высоты боюсь, – пробурчала я, глядя в сторону. – Ты бы хоть предупредил сначала. А то всё качается, держаться не за что. Я до смерти перепугалась.

– Прости, – виновато погладил меня по плечу Стэнн. – Я не подумал. Я доделаю.

– Спасибо, – саркастически усмехнулась я, а сама подумала, что в этот так называемый лифт он в следующий раз меня сможет затащить только силой.

– Так, сын. Ну-ка, покажи, что ты тут изобрёл?

Мы оглянулись на голос. К нам подходили отец Стэнна лорд Джэффас и его друг лорд Атулис.

Стен сразу воодушевился:

– Это лифт, папа. Смотри!

И он, забравшись в табуретку, продемонстрировал его действие, взлетев до верхушки десятиметрового дерева.

– Я же говорил тебе, что твой сын – гений, – повернувшись к лорду Джэффасу, сказал Главный Маг Высшей Школы Магии и Колдовства.

– Да, способности есть, – согласился Главный Королевский Колдун, не сводя глаз со спускающегося сына.

И обратился к вылезавшему из «лифта» Стэнну:

– Скажи-ка, сын, кто научил тебя этому заклинанию?

– Никто... А разве тут есть какое-то заклинание? – недоумённо посмотрел на отца Стэнн.

– Ну, ты как-то приводишь это сооружение в движение? Как?

– Да просто. Сначала я говорю себе, что очень хочу, чтобы оно поднялось. А потом делаю вот так, – и он сделал едва заметное движение ладонями вперёд и вверх. Табуретка опять подскочила на полметра и застыла в воздухе. Стен чуть повёл ладонями вправо, и табуретка послушно заскользила в том же направлении. Повернул ладони вверх – табуретка птицей взмыла к верхушке дерева. Наконец, Стэнн опустил её на траву и повернулся к отцу:

– Вот и всё. Никаких заклинаний.

Мужчины переглянулись и едва заметно усмехнулись. А затем лорд Джэффас сказал:

– Теперь, сын, представь, что ты уже стоишь в этом, как ты говоришь, лифте, и сделай ещё раз то же самое, но без него.

– Это как? – не понял Стэнн.

– Ты только что проделал очень трудный фокус: ты поднял себя на вершину дерева вместе с табуретом, который ещё при этом умудрился не упасть. Сейчас облегчи себе задачу: проделай то же самое, но без табурета.

Стен удивился:

– Так, что ли, можно? Без лифта?

Мужчины рассмеялись:

– А ты попробуй

Стен кивнул, зачем-то закрыл глаза и сосредоточился. И я увидела, как его ноги оторвались от земли, и он начал медленно подниматься.

– Ты глаза-то открой, – посоветовал лорд Атулис.

Стэнн открыл глаза, нашёл взглядом отца, чья голова была уже на уровне его ступней... и рухнул на землю.

– Сын, – глядя сверху вниз на сидящего в траве ошарашенного мальчишку, сказал отец. – К земле тянет не сила тяжести, а тяжесть мысли. И ещё страх. Избавься от неуверенности, и будешь летать, как птица.

И лорд Джэффас, прижав руки к туловищу, внезапно стрелой взлетел в небо, дважды вихрем облетел арабузгу и мягко опустился рядом с лордом Атулисом.

– Вот так-то, сын, – усмехнулся он, глядя на растерянное лицо Стэнна, и повернулся к другу:

– Ну, продолжим нашу беседу?

И они не спеша пошли к дому

Проводив взглядом уходящих лордов, я, наконец, захлопнула отвалившуюся от изумления челюсть, и присела перед Стэнном:

– Стэнн... как здорово! Ты летать умеешь! Покажи ещё раз!

Под моим восторженным взглядом парень быстро пришёл в себя.

– Сейчас.

Он вскочил и, снова закрыв глаза, сосредоточенно засопел и оторвался от земли.

– А лорд Атулис говорил, что глаза закрывать не надо, – ехидно вставила я свои пять копеек. – Слабо с открытыми глазами до верхушки дерева подняться?

– И ничего не слабо! – Стэнн открыл глаза и чуть снова не свалился, увидев, что от земли его отделяют уже метра три, но удержался и начал набирать скорость. Поболтавшись около самой вершины арабузги, он, наконец, спустился вниз, и сел на землю, тяжело дыша. Он был весь мокрый от напряжения. Я провела рукой по его сплешившимся от пота волосам:

– Стэнн, ты правда гений. Страшно было, да?

– Ага, – кивнул Стэнн и, радостно улыбнувшись, добавил: – Очень.

А потом вдруг погрузился:

– Только я думал, что я лифт изобрёл, а оказалось, что просто научился ещё одному фокусу.

– Ничего, – махнула я рукой. – Лифт изобрести ты ещё успеешь. А подниматься без лифта намного интереснее. Научи меня тоже, а?

Но то ли Стэнн оказался плохим учителем, то ли я была на редкость бестолковой ученицей, но с полётами у меня тогда так ничего и не вышло.

– Знаешь, я ведь лифт всё-таки изобрёл, – помолчав, сказал Стэнн. – Сейчас во всех трёхэтажных домах есть лифты и даже в некоторых двухэтажных. Там, где пожилые люди живут, которым трудно по ступенькам подниматься. Очень удобное изобретение.

– Я же говорила, что ты гений, – улыбнулась я и поинтересовалась: – А ты эту вашу Школу Магии и Колдовства закончил уже?

– Давно! В Высшую Школу меня в семнадцать лет приняли. Видимо, отцу надоело смотреть на мою постную физиономию, и он решил меня отвлечь хотя бы таким образом. С лордом Атулисом и договариваться не пришлось. Он только и ждал отцовского согласия на моё поступление. Вступительные экзамены я сдал на удивление легко, так что уже через полгода после твоего исчезновения был студентом. И вошёл в историю Школы как самый юный учащийся. Вообще, по правилам, туда с двадцати пяти лет принимают. А я к двадцати пяти годам её как раз закончил. За восемь лет вместо десяти.

– А почему у тебя была постная физиономия, – поинтересовалась я. – Вроде, особой задумчивостью ты никогда не отличался.

Стэнн помолчал, потом коротко взглянул на меня и снова отвёл глаза:

– Ты действительно не понимаешь?

Я смутилась:

– Из-за меня, да? Из-за моего исчезновения?

Стэнн вздохнул:

– Я считал себя виновным в том, что ты пропала, хоть все и пытались меня разубедить. Это же я привёл тебя в ту пещеру. И потом... мне было без тебя тоскливо. Восемь лет мы были с тобой постоянно вместе. Ты была хранительницей всех моих тайн. Мне было с тобой легко и интересно. Ты была лучшим другом, сестрёнкой, любимой девушкой – всем сразу. И когда тебя не стало, в моей жизни образовалась зияющая дыра, которую никто не мог заполнить. Отец был прав: только поступив в Высшую Школу и с головой погрузившись в занятия, я немного пришёл в себя. Но боль утраты... она сопровождала меня всю жизнь.

– Мне так жаль, Стэнн... Мне очень жаль сейчас, что я тогда так испугалась, что забыла свой сон... Столько лет прошло... Без тебя, без Мурлыки...

Я опустила голову, чтобы скрыть выступившие на глазах слёзы. Стэнн только крепче прижал меня к себе. Он ничего не ответил, но я чувствовала, что он полностью разделяет мои чувства.

Я вытерла глаза свободной ладонью и повернулась к Стэнну:

– Стэнн, расскажи, как ты жил все эти годы? Чем занимался? И кем ты сейчас работаешь?

– Ну, как жил? Сначала поступил в Высшую Школу. Восемь лет в ней проучился и закончил на отлично, потому что, пока остальные студенты бегали на свидания и пирушки, я осваивал новые заклинания и доводил их до автоматизма. Девушек я тогда видеть не мог, а вот колдовать учился с каким-то, я бы сказал, остервенением. Каждый раз, освоив новое заклинание, представлял, как бы ты порадовалась моим успехам. И – начинал учить следующее. За восемь лет я успел закончить все факультеты Школы, и все – на отлично. Таким, понимаешь, универсальным колдуном стал, который и пироги печь умеет, и с Древней Страшной Магией управляется, и на след преступника может встать, и больного

исцелить. И, благодаря этому, в день, когда мне вручили все мои восемь дипломов, я получил приглашение на работу в Тайную Магическую Полицию Кэтанга. Это – элитное подразделение полиции, которое занимается только самыми сложными преступлениями, совершёнными с применением магии. Туда попасть трудно, отбор очень строгий. Я же им ещё во время учёбы дважды умудрился помочь, причём, оба раза – случайно. Как говорится, мимо проходил. Но они это запомнили и терпеливо ждали, когда я учиться закончу. Там теперь и работаю.

– А почему она называется Тайной? – перебила я. – О вас никто не знает?

– Если бы, – хохотнул Стэнн. – Мы – самые известные люди в Кэтанге, главные лица героических легенд и забавных анекдотов.

– Тогда откуда такое название? – не поняла я.

Стэнн пожал плечами:

– Скорее всего, от прошлого осталось. Этот отдел полиции создавали, как тайную, дополнительную защиту Короля. Потом у Короля появились Королевские Колдуны, а Тайную Полицию сделали главной магической защитой страны. А название осталось.

– Понятно, – кивнула я. – Извини, я тебя перебила. Рассказывай дальше.

– Ну, – продолжил Стэнн, – проработал там двадцать лет, сначала – рядовым сотрудником, затем – заместителем начальника. А потом в одном из сражений мой начальник и учитель погиб. И Король предложил мне занять его место. И вот уже почти десять лет я являюсь третьим человеком в государстве, после Короля и моего отца – Главного Королевского Колдуна.

– Как – погиб? – встревожено спросила я. – Он, наверное, тоже был умелым магом?

– Он был великим магом, – грустно улыбнулся Стэнн. – Но, как видишь, и маги не застрахованы от гибели. Сражение-то было тоже магическое. И против него выступило сразу пять сильных колдунов. А мы немного опоздали...

– Опасная у тебя работа, – помолчав, сказала я. – А я думала, что могущественным магам ничего не грозит...

– Ничего, кроме могущества другого мага, – ответил Главный Начальник Тайной Магической Полиции. И тут же заулыбался: – Но ты за меня не переживай. Ещё не родился тот колдун, который меня переколдует. Тем более, сейчас, когда ты вернулась.

– Стэнн, – попросила я, – ты, пожалуйста, будь осторожнее. Я не так давно лишилась близкого человека и не хочу потерять ещё и тебя.

– Не потеряюсь, не переживай, – снова улыбнулся Стэнн. – Ты, главное, сама не исчезай. А ты как жила всё это время?

– Я? – я горько усмехнулась. – Просто замечательно. Через несколько месяцев после того, как мне перестал сниться этот сон, мама с папой развелись. Как выяснилось, они давно ждали, когда мне восемнадцать исполнится, но так хорошо маскировались, что я этого даже не замечала. Отец сразу женился и переехал в другой город. Далеко уехал, на край страны. Так что мы с ним и не виделись больше. Через год мама поехала в деревню к двоюродной сестре и там сильно простудилась. Фельдшер её лечить начал от бронхита, а оказалось, что у неё двустороннее воспаление лёгких. Когда её в город привезли, было уже поздно. Спасти не смогли. Я даже не думала, что в наше время ещё умирают от воспаления лёгких, а вот, оказалось...

Я помолчала. Стэнн крепче сжал мою руку:

– Если тебе тяжело...

– Да нет, сейчас уже ничего. А тогда, конечно, трудно было. Я как раз музыкальный колледж закончила, хотела в консерваторию поступать, но кто бы там кормил меня ещё пять лет? На шее у сестры сидеть не хотелось, да и не получилось бы. Она тогда сама с маленькой дочкой дома сидела. Пришлось идти работать. А тут бывший одноклассник предложение сделал. Он мне всю жизнь помогал, я к нему со всеми неприятностями бегала, думала – лучший друг. А оказалось, любил он меня, ещё со школы. Ну, я и вышла за него, чтоб не одной быть. Полтора года прожили, а потом...

Горло у меня перехватило, и я замолчала. Стэнн крепче обнял меня, обхватив обеими руками, потёрся щекой о мои волосы, пробормотал:

– А я-то, дурак, тебе жаловался на свою несчастную жизнь...

Я улыбнулась, беря себя в руки:

– У каждого свои горести.

И продолжила исповедь:

– Меня тогда работа спасла. Вкалывала с утра до вечера, как проклятая. Всех заболевших педагогов замещала, частников набрала. Училась много – и по Интернету, и уроки брала. Потом свою студию открыла. Сначала параллельно с основной работой её вела, но вскоре поняла, что так я порвусь, в конце концов, и работу бросила. Зато за эти сумасшедшие годы я стала хорошим специалистом. Очень хорошим. Мои ученики на конкурсах призовые места занимают, в городских концертах участвуют, о моей студии даже в газете как-то писали. Вот так и живу – вся в работе.

Мы помолчали, потом Стэнн осторожно спросил:

– А как ты здесь очутилась? Через столько лет...

Действительно – как? Я прикусила в задумчивости губу и начала вспоминать предшествующие моему появлению здесь события.

День не задался ещё с ночи. На меня напал очередной приступ бессонницы, частенько мучавшей меня после смерти мужа, и я уснула уже под утро, часа в четыре, а в семь надо было вставать: одна из моих учениц попросила провести занятие в восемь часов, потому что у неё появились какие-то срочные дела, и прийти попозже она ну никак не могла.

Я не люблю заниматься вокалом в такую рань. Весь мой организм протестует против такого насилия: и голос не звучит, и слух отказывается слышать ляпы учеников, да и мозги плохо соображают: мысли начинают звучать коряво, с кучей слов-паразитов «ну», «это», «значит» и прочими словечками, помогающими мозгу выйти из ступора, вызванного ранним пробуждением. Вообще-то я – «сова», и начинать работать предпочитаю после обеда. Но, к сожалению, мироустройство подстроено под «жаворонков», поэтому всю жизнь мне приходилось «ломать» себя. Я с трудом вставала в несусветную рань и ползала весь день, как сонная муха. А вот когда все нормальные люди начинали подумывать об отдыхе перед компьютером или телевизором, у меня появлялась жажда деятельности, которая окружающих только раздражала.

Когда я открыла собственную студию, то подумала: сбылась моя мечта, я – сама себе хозяйка, могу работать, как захочу. Как бы не так! Теперь мне пришлось подстраиваться под клиентов. А клиенты – народ капризный. То им надо попозже, то – пораньше. То у них аврал на работе, то сына в поликлинику вести надо, то встреча с друзьями нарисовалась – «Мы сто лет не виделись, не могу же я это пропустить!» В общем, уходя утром в студию, я никогда не знаю, сколько у меня в этот день занятий будет. Бывают невезучие дни, когда

за весь день всего два-три человека приходят, да и те – не подряд, а с промежутками в два-три часа. А бывает, к концу дня уже язык заплетается от усталости, голос хрипит, а работе конца-краю не видно. К счастью, и то, и другое происходит достаточно редко. Нормальный мой рабочий день обычно включает пять-шесть часовых занятий, и меня это вполне устраивает.

Студия моя называется – «Мечта». Очень оригинальное название, конечно, ничего не скажешь. Но у меня с названиями – вечная закавыка. Не умею я их придумывать. И подруга, на пару с которой мы арендовали это небольшое помещение, тоже особо не парилась, сочиняя имя нашей новорожденной. «Мечта», так «Мечта». Так и зарегистрировали. И теперь, созваниваясь, спрашиваем друг друга: «Ты сегодня мечтать во сколько пойдёшь?» Или заявляем, уходя на работу: «Пойду-ка я, помечтаю немного».

Я в «Мечте» веду занятия по вокалу и фортепиано для детей и взрослых. А Катя учит играть на гитаре. Я работаю четыре дня в неделю, Катя – три. У неё есть ещё основная работа, поэтому «мечтает» она по субботам и воскресеньям. Да ещё в четверг после обеда.

А сегодня – понедельник. Мой день.

С трудом разлепив глаза, я побрела под душ в надежде, что хоть он меня разбудит. Увы, надежда оказалась тщетной. Спать захотелось ещё сильнее. Решив позавтракать, я выползла на кухню, открыла холодильник и, с отвращением поглядев на приготовленную с вечера гречневую кашу, закрыла его обратно. Есть не хотелось абсолютно. Взглянув на часы и выяснив, что я уже начинаю опаздывать, я наскоро выпила чашку горячего крепкого чая и, зевая и ворча на пасмурную погоду и клиентку, которой захотелось петь в такую рань и непогодь, побрела под морозящим дождём на остановку. Конечно, до «Мечты» всего три квартала, обычно я туда пешком хожу. Но – не в такую рань и не в такую погоду.

Придя в студию, я поставила зонтик сушиться и приготовилась к занятию: достала из шкафа ноты и включила синтезатор. Потом посмотрела на часы: без двух минут восемь. Любе давно пора быть здесь. Впрочем: утро, пробки... Застряла где-нибудь. Ну, значит, подожду.

И я взяла с полки толстый сборник сканвордов, который лежал у нас специально для таких случаев.

Когда я в следующий раз подняла глаза на часы, оказалось, что прошло уже двадцать минут.

«И где она?» – мысленно спросила я и полезла в карман за телефоном.

– Алло, – раздался сонный голос. – Слушаю.

– Доброе утро, Люба. Вы придёте? Я вас давно жду.

– Ой, а сколько времени?

– Двадцать минут девятого.

На том конце трубки немного помолчали, потом виновато сказали:

– Елена Викторовна, я проспала. Совсем будильник не услышала. Давайте в пятницу, как обычно, ладно? Сегодня я уже не успею.

Я мысленно выматерила Любу всеми знакомыми мне «вежливыми» словами, а вслух сказала:

– Хорошо. Приходите в пятницу.

И, резко нажав на сброс вызова, сердито засунула телефон в карман. День был

испорчен с самого утра. Все мои мучения оказались напрасными. Я не выспалась, не позавтракала, вымокла и – ничего не получила взамен. Сходить домой я не успевала: через час должно было начаться следующее занятие. Бежать в магазин под дождём тоже не хотелось. Единственное, что я могла сделать – вскипятить воду и порадовать себя чаем с конфетами.

Я полезла в шкаф за электрическим чайником и выяснила, что ни конфет, ни печенья в обозримом пространстве не наблюдается. Видимо, у Кати вчера тоже был не слишком удачный день, и она в перерывах между занятиями всё сжевала.

Снова мысленно выругавшись, я включила чайник и уже через пять минут заваривала крепкий чай в пузатом маленьком заварочном чайничке. Пить краску из пакетиков мне сегодня не хотелось.

Аромат свежесваренного чая и найденная в недрах сумки конфетка несколько примирили меня с действительностью. Я сидела, снова уткнувшись в сканворд, и, стараясь не обжечься, потихоньку прихлёбывала горячий чай, когда в кармане завибрировал телефон. Я посмотрела на экран. Звонила мама мальчика, которого я ждала на занятие.

– Елена Викторовна, доброе утро. Вадик заболел, у него ночью температура поднялась. Так что, извините, он сегодня не придёт. И в среду, скорее всего, его тоже не будет.

– Ясно, – вздохнула я. – Ну, что ж, выздоравливайте. Обязательно позвоните, когда Вадик поправится, уточним время встречи.

Я допила чай и пошла одеваться. До следующего занятия было ещё четыре часа, и сидеть здесь всё это время было просто глупо.

Вернувшись домой, я, наконец, позавтракала и решила вздремнуть хотя бы полчаса, потому что состояние было довольно мерзкое: голова была тупая и тяжёлая, в глаза словно песка насыпали, а рот раздирала зевота. Но, несмотря на это, заснуть я так и не смогла, и встала в ещё худшем состоянии, чем легла. Оставалось только надеяться на то, что природа возьмёт своё, и к вечеру я взбодрюсь хотя бы от того, что вечер – это моё время. Но до вечера надо было ещё дожить.

[Купить полную версию книги](#)

notes

А. Волков «Волшебник изумрудного города».

Е. Шварц «Сказка о потерянном времени».

Г.-Х. Андерсен «Снежная королева».

Балясины – фигурные столбики, поддерживающие перила ограждений.

Балюстрада – ограждение балконов или лестниц, состоящее из балясин.

Арабузга – высокое, довольно толстое садовое дерево с крупными плодами, напоминающими по вкусу наши арбузы.

Героиня песни А. Пугачёвой.

Тмутаракань – один из древнейших городов Таманского полуострова, был расположен на территории современной станицы Тамань Темрюковского района Краснодарского края. В русской разговорной речи слово *Тмутаракань* ассоциируется с чем-то недостижимо далёким и неизвестным, сродни «за семью морями, неизвестно где» – обычно с пренебрежительным оттенком, как синоним слова «глушь».

Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Пророк».

Кимрак – в Кэтанге так называют Духа гор.

Эмпатия – способность к сопереживанию, умение разделять чужие эмоции и чувства.
Эмпат – человек, способный к эмпатии.

Дековаться (народное) – насмехаться, издеваться.

Хохлик – в славянском фольклоре маленький домашний дух, чёрт.

Майор Пронин – персонаж ряда произведений писателя Льва Овалова, а также многочисленных советских анекдотов и других форм фольклора. Собираемый образ советского милиционера, который часто попадает в невероятные ситуации, выходя из них живым и невредимым.

Smart TV – телевизор со встроенным доступом в Интернет.

Расщеколда (народное) – болтливая баба.

Валандай (народное) – бездельник, лодырь.

Колупай (народное) – вялый, медлительный человек.

Мимозыря (народное) – разиня.

Багт (народное) – говорит.

Ветрогонка (народное) – вздорная баба.

Амнезия – потеря памяти.

Гематома – скопление жидкой или свернувшейся крови внутри человеческого тела, возникшее в результате разрыва сосудов (например, при ушибе) и расположенное в мягких тканях.

Любый (народное) – любимый.

Сензитив – чрезмерно чувствительный, восприимчивый человек.

Один цикл Луны в Кэтанге равен тридцати дням.